

Обыкновенная судьба

Николай Иванович не слишком разговорчивый человек. Невысокий, остриженный наголо, в рабочей блузе, он выглядит моложе своих шестидесяти шести лет. Мы сидим в саду под черёмухой, и Николай Иванович, не скрывая, удивляется: почему я заинтересовался его судьбой?

— О нашем деле и написать-то нечего. Мелко это для газеты. Вон лучше пошли бы вы на фабрику киноплёнки. Там, говорят, женщина изобрела рентгеновскую фотобумагу. Снимут сердце, и всё видно, как на обычной фотографии. Вот это, я понимаю, интересно. А ведь я простой почтовый служащий, причём уже ушедший на покой. Второй год сад развожу да езжу на Плещеево озеро рыбу ловить. Не составите ли компанию?

Я смотрю в голубые прищуренные глаза Николая Ивановича и думаю: ох, старик, из тебя выловить слово трудней, чем рыбу из озера!

— А за что же вас наградили орденом Ленина?

— Да формулировка была такая: за долголетнюю и безупречную работу.

— Так разве это мало?!

— Может быть, и немало, да обыденно...

Во дворе домика Николая Ивановича Ананьина много живности: в клетках сидят разноцветные кролики, под ногами вертится пёс, шныряют куры. Я хвалю хозяйство. Николай Иванович довольно улыбается:

— Это царство жены, Зинаиды Михайловны, тоже пенсионерки. Она бывшая учительница. Пойдёмте, я вас познакомлю!

В чисто прибранных комнатах разноголоса поют щеглы. На них любитесь маленький внук, пришедший в гости к деду. Мальчик сразу бросается на его колени и прислушивается к нашей беседе. Зинаида Михайловна рассказывает о своей большой семье. Старшая дочь Ангелина живёт далеко от Переславля — в Красноармейске. Недавно она очень обрадовала родителей, написала, что защитила диссертацию и получила звание кандидата механико-математических наук. Другая дочь — Аделаида, учительница в селе Красном. Сын Валерий, бывший инструктор райкома партии, сейчас перешёл на четвёртый курс партийной школы. Два сына — Вениамин и Вадим — рабочие. Все пристроены, никому не грозит чёрный завтрашний день.

— А его так боялся Саша Врублёвский! — вздохнул Николай Иванович.

— Это что, ваш товарищ по работе?

— Нет, — засмеялась Зинаида Михайловна, — это герой любимого Николаем Ивановичем рассказа.

С книжной полки был снят ветхий томик А. Куприна, приложение к «Ниве». Николай Иванович открыл рассказ «Телеграфист». Через его плечо читаю: «Несправедливые вы люди, господа писатели. Как только у вас в романе или повести появится телеграфист, — так непременно какой-то олух царя небесного, станционный хлыщ, что-то вроде интендантского писаря. Поёт под гитару лакейские романсы, крутит усы и стреляет глазами в дам из первого класса. Ей-богу же, милочка, такой тип перевёлся пятьдесят лет тому назад. Надо следить за жизнью. Вспомните-ка, как мы выдержали почтово-телеграфную забастовку, а ведь у нас большинство — многосемейные. Знаете, милочка, бедность-то везде плодуща, а жалованье наше — гроши. И если вышвырнут тебя из телеграфа с волчьим паспортом — куда пойдёшь?»

— Да, всё это было, — говорит Николай Иванович, — а теперь и самому не верится. Побывайте как-нибудь ночью на нашем переговорном пункте: переславцы вызывают и Берлин, и Прагу, и Киев, и Ленинград... Словно большой мир врывается в комнату. А я помню «земский

телефон», соединявший квартиры «отцов города». Жандарм поздравит исправника с добрым утром — и все переговоры.

Я спрашиваю Николая Ивановича: как долго он работал в связи?

— Сорок четыре года. Начал я почтовым чиновником низшего оклада в Переславском уезде. Был надсмотрщиком телеграфной линии, развозил почту. На огромный уезд имелось тогда только три почтовых отделения. Да и те — одно название! В Гагаринской Новосёлке, например, было имение князей Гагариных. Им и доставляли почту. Выжившая из ума старая княгиня получала пачки писем от своих московских подруг, занимавшихся, как и она, спиритизмом. «Общались» с потусторонним миром и соседи Гагариных — богатые дворяне Татариновы. Я не имел права уехать из Новосёлки до тех пор, пока княгиня не прочтёт все письма и не напишет на них ответы. А крестьяне ездили за почтой через леса и болота в Переславль. Писали главным образом отходники, служившие или работавшие в Москве и Питере. Письма адресовали так: «Переславль-Залесский, трактир Загрязкина, вручить тому-то», или «Лавка купца Карасёва, передать в деревню Криушкино» какому-нибудь Фёдору Ивановичу Рожкову.

И тут трактирщики и лавочники ухитрились взять бедного крестьянина в кабалу. Толсто-пузый купец Карасёв увидит знакомого мужика и кричит ему из окна:

— Зайди, письмецо есть!

Ну, как тут не купить подороже ситчика у благодетеля! Крестьянин, глядишь, добровольно приписывал себя к тому или иному трактиру, к лавке, зависел от них.

— Да, по правде сказать, — продолжал Николай Иванович, — писем-то крестьяне получали немного. Вот я интересовался статистикой. — Мой собеседник достал небольшой блокнотик. — Послушайте... Почтовый обмен в тринадцатом году составлял по письмам 4 единицы на одного человека в год; газет и журналов приходилось по 2,6 экземпляра на одного человека в год, а телеграмм, тех и совсем кот наплакал — по 0,26 на человека. На крестьян же падало всего три процента от этого количества. Вот вооружитесь карандашом да посчитайте, что получится?..

А какие письма получали крестьяне! Уж очень хорошо об этом поведал наш земляк, поэт-угличанин Иван Захарович Суриков. Запало в память его стихотворение «Горе». Когда я читаю эти строки: «Получил письмо от внука дедушка Федот», то не могу не вспомнить свою почтовую молодость. Сколько слёз доставляли мы в коряво надписанных конвертах! Да, лучше поэта не скажешь! Помните, как он описал горе старого Федота?

Мы вспомнили знакомые каждому с детства стихи Сурикова:

Пишет внук, чтобы не ждали
Денег от него.

Знает он, что деньги нужны,
Что оброк стоит, —
Где же взять их? Он в больнице
В Питере лежит.

И едва ли скоро выйдет,
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

Раздавило на работе
Руку шестернёй,
И теперь семье помощник
Будет он плохой.

Хоть и выйдет из больницы —
Так опять беда:
Искалеченный, безрукий —
Годен он куда?

Разговорившийся было Николай Иванович Ананьин задумался снова и замолчал. В его памяти проходили давно минувшие картины. А я подумал: когда мы доверчиво опускаем сокровенное письмо в почтовый ящик с гербом Советского Союза, когда дома получаем свежую газету, как-то редко вспоминаем о людях, ранее называвшихся «почтовыми чиновниками».

И телеграмма, и междугородный разговор по телефону воспринимаются как обычные, рядовые явления. Люди же, вроде Николая Ивановича Ананьина, видят за этим незримые, но великие изменения, происшедшие в жизни народа.

Когда почта на тощих казённых лошадёнках доставляла бредовые письма спиритистов князей Гагариных, на этих же подводах лежала и тонкая пачка газет под смелым названием «Правда». Она, первая легальная рабочая газета, проникала и в переславль-залесскую глушь. Из «Правды» Николай Ананьин узнавал о надвигавшейся революционной буре.

Молодого расторопного чиновника пригласили на стройку второй телеграфной линии, которая должна была соединить обе столицы. Туда, на станцию в Химках, глубокой осенью пришла радостная весть о переходе в Петрограде власти в руки Советов. Вскоре из Москвы прибыл представитель революционного комитета и вручил Николае Ананьину и его товарищам оружие.

— Отныне линии связи, — сказал приехавший, — народное достояние, берегите их, как зеницу ока.

Многие высшие почтовые служащие саботировали распоряжения рабочей власти. Рассказывали, что в Ярославле на главном почтамте осталась работать только одна девушка-телеграфистка, которая проработала без отдыха три смены. Такие были повсюду. Николаю Ананьину, например, предложили поехать на глухую станцию Берендеево, окружённую со всех сторон лесом, в котором, по преданию, жил когда-то царь Берендей. Ананьин не отказался. Чиновнику низшего оклада Советская власть доверила большой пост — заместителя начальника почтово-телеграфного отделения.

Ленин тогда говорил: «Социализм без почты, без телеграфа, машин — пустейшая фраза». Это хорошо понимал молодой Николай Ананьин, с жаром юности начавший перестраивать работу небольшого станционного почтового отделения. К этому времени были закрыты лавки и трактиры, куда крестьяне адресовали свои письма. Появилась не раз воспетая в стихах кольцевая почта. Всадник с почтовой сумкой на плече объезжал за сутки всю округу. А кое-где и пешеход двигался от деревни к деревне, проходя за день вёрст тридцать. Писем шло много, писали с фронтов гражданской войны, обещали скорую победу и мирную жизнь, а из лесного Переславского уезда летели на восток и запад бесчисленные поклоны и пожелания возвратиться живыми и здоровыми к земле, ждавшей рабочих мужских рук.

В эти суровые годы жизнь почтово-телеграфного отделения на станции Берендеево была тревожной.

— Ночи проходили без сна, особенно зимой, — говорит Николай Иванович. — С поездов скидывают почту мешок за мешком, а отправлять в уезд не на чем. Да ещё пройдут снежные заносы, все дороги переметёт. Раскроешь газеты — в них ленинские речи, декреты Советской власти, те слова правды, которые так жаждали услышать крестьяне. Что делать? Высылали свою лошадь. В первом же селении она приставала и дальше не шла, тогда находились добровольцы, запрягали своих коней, и почта двигалась по уезду. В эти дни и сам я исходил наш залесский край вдоль и поперёк. То получишь срочное поручение восстановить телеграфные линии, то нужно заново связывать оторванные друг от друга волости.

На моих глазах появились первые телефоны в деревне, заговорили первые репродукторы. Я к тому времени уже работал в районной почтово-телеграфной конторе заместителем начальника. Дела прибавилось. В каждом сельсовете мы создавали почтовое отделение. Не знаю, может быть, кто-нибудь за рубежом и посмеётся надо мной, стариком, если вы напишете, но, ей-богу, я горжусь тем, что сейчас в каждой деревне голубеет почтовый ящик. Путь к нему был нелёгким... Сколько лет и сколько здоровья потрачено! Не знаю, интересны ли вам такие цифры: половина наших колхозов сейчас телефонизирована, в районе поставлено 7,5 тысячи радиоточек. Появились первые телевизоры. Колхозники не только слушают, но и видят Москву! В деревнях нет ни одной семьи, которая не пользовалась бы услугами почты и телеграфа. И если раньше газеты выписывали попы да помещики, учителя и то выписывали редко, так теперь сумки колхозных почтальонов ломятся от тяжести. Да что говорить! Весь Переславский уезд не получал столько почты, сколько получает его хотя бы одно почтовое отделение в селе Усолье. Правда, уж и Усолье стало не то, что прежде, выросло. Да ведь сорок лет Советской власти тем и знаменательны, что они изменили всю нашу страну!

Разве можно не согласиться с этими словами Николая Ивановича?